

Ташансу Тюркер¹**ПРОБЛЕМЫ КРИЗИСА СОВРЕМЕННОСТИ, ПОИСКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ДЕМОКРАТИИ В ЗАПАДНОМ МИРЕ**

За последние четыре десятилетия различные сферы социальных наук (особенно политическая философия) были охвачены вопросами современности, ее актуальности и сопутствующими темами. Очевидно, что содержание и преобладание таких вопросов растет буквально день ото дня. Здесь я не хотел бы углубляться в дискуссию по поводу политической философии. При этом в рамках настоящего доклада стоит упомянуть книгу “State of Crisis” («Кризисное состояние») Зигмунта Баумана и Карло Бордони (Zygmunt Bauman, Carlo Bordoni, 2014). В данной книге авторы просвещают читателей в области социологии, политологии и политической философии. Концепция «текущей современности» была принята в качестве аналитического инструмента для выхода на этап «современности в кризисе», при этом использовались ссылки на политическую философию, дискуссии на политологические темы и теории на основании социологических наблюдений.

Утверждается, что современность находится в двустороннем кризисе: с одной стороны, *несостоятельность государств*, с другой — *радикальные изменения в социальных структурах*. Результаты же кризиса современности можно разделить на политические и социальные. Наиболее заметный политический результат, который я хотел бы подчеркнуть, можно назвать утратой идентичности или коллективного сознания, которое формировалось национальными государствами в процессе их существования, и вся международная система опять же зависит от них. Такая идентичность или коллективное сознание имеет две стороны: местную, касающуюся внутренней жизни государства — языка, религии, истории и так далее, что обеспечивает единство в рамках *границ* страны, и универсальную, связанную с безопасностью, справедливостью, демократией, правами человека посредством обеспечения целостной системы ценностей, в том числе международной. За рамками дискуссий по поводу универсализма и партикуляризма, полагаю, можно допустить, что частные проблемы национальных государств зависят от универсальных ценностей, которые формируют международную систему. Это означает, что нельзя недооценивать существенное размывание универсальных ценностей. Другая сторона политического результата может быть определена как слабость государства в отношении политических требований масс, когда осуществляется поиск законных и эффективных путей управления. Здесь посредством требований масс социальные результаты можно связать с политическими. Можно говорить и о том, что требования масс также изменились. В социальных дискуссиях отмечается,

что массы не знают, чего они хотят, но хорошо знают, чего не хотят, что затрудняет управление обществом при помощи современных способов, таких как представительство, парламент или партии, даже в гражданском обществе. Другая сторона социальных результатов — массовое стремление к потреблению. В рамках концепции авторов *потребительское общество* является новой реальностью для всех социальных и политических сфер, а не только граждан, и это превращает потребление в новую цель (*греч. telos*).

Кризис современности и текущая изменчивость, о которых говорилось выше, фактически означают кризис *суверенитета* и кризис *демократии*, в том числе и для современного мира. Умберто Эко писал о подобной ситуации, обозначая ее как постмодерн, нарушающий границы пока еще неведомых обстоятельств будущего. Для Эко кризис современности и текущая изменчивость также являются нарушением границ, где будущее современного мира формируется на фоне *безвестности и вопросов*. Современность снова находится в поиске своего будущего, как это было в XIX веке, который, по моему мнению, стал основополагающим для последующих веков. Определения универсальности, государства, суверенитета, идентичности, представительства, экономической трансформации и социальной структуры подлежат переосмыслению в том времени, в котором мы пребываем сейчас.

Здесь я должен отметить, что данный доклад основан скорее на вопросах, а не на ответах. Это вопросы об универсальных ценностях, международной системе, коллективном сознании (сознаниях), управлении, политических системах, социальных движениях, экономических моделях и т. д. Хотелось бы адресовать эти вопросы не только странам Запада, но и другим, например России и Турции, которые можно описать как идеальные примеры модернизации за последние три века и которые могут формировать категории если не современности, то модернизаций с их уникальными чертами. (Я здесь не касаюсь дискуссий по поводу *евроцентризма*, так как согласен с тем, что критика в отношении евроцентризма полезна, но в то же время безопасна для любого консерватора, который рассматривает локальность как аварийный выход для любой необходимой инициативы реформирования. Я также не хотел бы прибегать к дискуссии по поводу классической схемы модернизации и *множественных современностей*, поскольку моя цель заключается не в том, чтобы их описать, а в том, чтобы дополнить вышеуказанные дебаты посредством поиска отражения кризиса современности в различных точках мира с разными историческими предпосылками.) Я решил сравнить российский и турецкий опыт с западным не потому, что я родом из Турции, а площадь Лихачева находится в России, но поскольку уверен в том, что сравнение этого опыта в исторической перспективе формирует благодатную почву для всех социальных наук и я ча-

¹ Директор Исследовательского центра по изучению Евразии, России и Восточной Европы, адъюнкт-профессор, доктор факультета политологии в Университете Анкары (Турция). Сфера научных интересов: история Османской и Российской империй, современная иностранная политика России и Турции. Автор научных публикаций по истории Османской и Российской империй и вопросам современной международной политики.

сто прибежал к этому источнику в моей академической карьере. Так как историю можно считать лабораторией социологии, а модернизация сама по себе представляет скорее процесс, чем ситуацию, я хотел бы использовать исторические ссылки, чтобы перейти к следующим политическим вопросам, связанным с темой кризиса современности. Процессы, с которыми столкнулись обе страны в рамках своего опыта модернизации, дают возможность сравнивать их не только друг с другом, но и по отдельности с течением времени. Это может открыть способ категоризации и концептуализации данного опыта по разным моментам, что является единственной возможностью получения хоть каких-нибудь ответов, а не только вопросов.

Хотя идентичность сегодня является более сложной и многослойной, чем раньше, а коллективное сознательное относится не только к государственной идентичности, но и к политическим системам, сравнение двух опытов трансформации идентичности в хронологическом аспекте может стать хорошим подспорьем в понимании отражения кризиса современности в наших странах и, кроме того, может обеспечить важные подсказки для прогнозирования нашего будущего. (При этом я буду избегать обращения к западной модели в связи с ограниченностью объема данного доклада и достаточной осведомленностью о ее характеристиках.) Полагаю, что процессы идентичности в этих двух практиках модернизации являются основными вопросами описания более широкого диапазона с собственными характеристиками и отношениями к восприятию и отражению Запада в наших странах. Кроме того, в этой сфере можно увидеть признаки, которые будут характерны для наших политических систем в прошлом и будущем.

Когда мы говорим об идентичности и политической легитимности в наших странах во время их прошлых или, другими словами, классических периодов, первым следует упомянуть «римский универсализм» в обоих государствах. Мехмет II Завоеватель часто называл себя Цезарем, пренебрегая иными исламскими или турецкими титулами. И, конечно, все помнят, что «Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать». На самом деле это не должно никого удивлять: ведь Рим был единственным источником легитимности для любого государства до XVII века в этой части мира, то есть по существу во всей Европе. Вольтер утверждал, что новая имперская модель в Центральной Европе формировалась вовсе не Священной Римской империей, а скорее толпой немцев. Такая легитимность зависела от признания «ойкумены» (греч. «вселенная») как целого, и государство в ойкумене также должно быть целостным. Поэтому каждое государство утверждало, что именно оно есть государство, а значит, Рим. Даже на досовременном этапе «международной системы», которая на самом деле не существовала, присутствовало это общее правило или ценность для мира. Также это было основой политических систем в государствах: *преданность Цезарю*. Таким образом, поиск какой-либо идентичности в качестве инструмента политики на досовременном этапе является нереалистичным. В рамках процесса в Европе XVII века идентичность как вопрос поли-

тики была важна как отдельный компонент современности. Коллективное сознание, заменяющее Цезаря или Принца как высший идеал, и представительство такой коллективности стало основой для современности впоследствии. Надо было подождать XVIII века, пока это появится в России и Турции, совпав с началом модернизации. В данном аспекте можно обоснованно полагать, что современность, модернизация и отражение соответствующих тем в России и Турции всегда были связаны не только с идеями, касающимися *концепции Запада*, но и с *фактическими политическими отношениями* с Западом. Можно просто заявить о том, что идеальные и политические отношения с Западом всегда были определяющими в этих случаях модернизации. Здесь мне придется обратиться к моему докладу, представленному в прошлом году на Лихачевских чтениях.

С начала XIX века в Османской империи начался период распада, и интеллигенция, наряду с управляющей страной элитой, была хорошо осведомлена о ситуации. Это понимание определило базовую динамику основных попыток реформ, и удивительно, что данные реформы никак не были связаны с модернизацией или вестернизацией, а, напротив, проводились в рамках борьбы с Западом с намерением защитить государство и *статус кво*. По сути, такое состояние сохранялось до конца XIX века, а единственное различие заключалось в признании не только технического, но и всестороннего превосходства Запада, что привело к расширенным реформам с начала XIX века. Независимо от их объема, изначальной задачей реформ была защита государства. Процесс реформирования начался в связи с этой ситуацией, но, как было сказано выше, реформы начинались в целях удовлетворения требований, связанных не с обширной вестернизацией, а с устранением недостатков империи. Уже во времена Селима III и Махмуда II реформы стали активно воплощаться в жизнь, а процесс, который сегодня называется вестернизацией, начался позднее и продвигался медленно. Несмотря на то что вестернизация стала менять все сферы жизни империи и общества, основное влияние определялось появлением интеллигенции, знакомой с западной культурой.

В то время как западная культура набирала вес, националистические настроения в основном зависели от христианских субъектов, а впоследствии были приняты и мусульманскими субъектами, кроме Турции. Турецкий субъект в основном концентрировался на идее «спасения империи». Концепция национализма не существовала в традиционной структуре этой империи, которая была основана на системе *милла*, с религиозными группами, которые говорили на множестве разных языков и состояли из разных этнических групп с их собственными администрациями под опекой центральной имперской власти. Такое состояние сознания быстро развивалось в течение XIX века и в конечном счете ниспровергло Османскую империю. Во всем этом основные интересы османской интеллигенции в итоге были противопоставлены национализму, так как для спасения империи от него следовало бы отказаться. На этом фоне османская интеллигенция не могла сформировать идеологию тюркизма, и, кроме того,

превратилась в агентов имперской структуры против националистического процесса.

Если изучать идеи Запада и противостояния Западу, становится понятно, что для османской интеллигенции развитие систематического антизападного идеала в итоге было запоздалым и слабым. Идея вестернизации пошла на спад, а скептическая по своей сути концепция вестернизма, которая являлась основной характеристикой реформ, затрудняла или, по крайней мере, снижала объем противостояния. Однако в целом наблюдалось стремление примирить западные ценности с традиционной структурой, а значит, сохранить империю. В этом смысле и должна рассматриваться идеология *османизма*. Западные понятия *родины* и *патриотизма* были объединены с традиционной *преданностью* и *справедливостью*, чтобы попытаться сформировать «османскую нацию». Провал этой попытки нельзя объяснить исключительно недостаточным уровнем сложности. Очевидно, что сила государства — обязательное требование такой политики, но у Османской империи этой силы в XIX веке больше не было. Самый важный этап османизма — эра реформ *Танзимат*, с лояльностью султану (традиционным направлением лояльности), которая исчезла под влиянием бюрократической элиты, а концепция *лояльности* была заменена концепцией *родины*. Новая османская философия также добавила понятие родины к концепции «равного и либерального подхода к понятию гражданства». Хотя представление о том, что участие во всех элементах процесса управления должно возлагаться на государства, может показаться очень простым, оно органично вписалось в контекст.

Предметом еще одного направления новой османской философии стал описанный выше антивестернизм. Новая османская идея, в рамках которой *Islahat Fermanı* (Указ о реформе 1856 г.), объявленный во время конференции в Париже, рассматривался как западное вмешательство, также представила первую систематизированную антизападную идею. Но это следует толковать как требование независимости или противодействие вмешательству в рамках «патриотизма», а не как конфликт. Данное противоречие стало первой трещиной в османизме. В связи с этим немусульманские элементы рассматривались как инструмент западного вмешательства, и идеология османизма, опять же при внешнем вмешательстве, испытала серьезный упадок во время первого внутреннего конфликта. В результате того, что количество немусульманских элементов в империи уменьшалось, имперское сознание приняло ислам как свою новую идентичность. Эта идеология, которая представляется как панисламизм, может рассматриваться как западная, потому что процесс, в рамках которого ислам перестал быть религией и начал обозначать идентичность современной идеологии, был основан на западных ценностях.

Примечателен тот факт, что даже для сторонников панисламизма его идеология может представляться весьма спорной и нуждающейся в защите. Но идея сохранения государства трансформировалась в продолжение того, что осталось, с одной стороны, с заметным влиянием исламской идентичности, с другой — с усилиями, направленными на то, чтобы не подвер-

гать остракизму немусульманские элементы. Такая исламская идентичность была антинационалистической почти на уровне утопии. Интернационализм исламских элементов вышел на первый план с утверждением о том, что подчеркивание различий несет в себе угрозу исламу. В то же время развивались процессы арабского и особенно албанского национального самосознания, что, в конечном счете, повысило влияние идеологии тюркизма.

Слово «*тюркизм*» стало использоваться намного позже появления национального самосознания у всех субъектов Османской империи. Похоже, впервые термин возник в начале XX века, хотя всеобщую поддержку эта идеология получила после войн на Балканах и даже Первой мировой войны, до тех пор скрываясь в исламских идеях. Несмотря на то что *тюркизм*, подобно *панисламизму*, имеет характеристику «пан», он никогда не был эффективной идеей. Внутри страны это проявилось на этапе становления Республики Турция, когда был взят курс на вестернизацию. Тюркизм и вестернизм развивались вместе как современные формы национализма. На этом этапе характеристика «общности» тюркизма исчезла и появилась идея равной и независимой турецкой нации среди современных наций, то есть идеология, которая, как прежде не раз, заявляла о своем имперском наследии и продолжала идею «комплексности» вместо «исключительности» (основной идеи национализма). В этом смысле современная Республика Турция и проект кемализма появились в результате смешения понятий «родины» и «нации», модели, которая ориентирована на Запад, но в то же время чувствует себя неуютно в этом русле, хочет принять западные ценности, но в то же время сохранить целостность государства; которая относится к тюркизму, но основана на «*гражданстве*».

Что касается России, то первый важный факт заключается в том, что, в отличие от Османской империи, Россия была страной, влияние которой постоянно росло. В России систематический ход вестернизации, начавшейся с реформ Петра I, привел к увеличению мощи империи. В течение XIX века трудно было найти какое-либо объединение европейских стран, в котором не участвовала бы Россия. Опять же, в отличие от Османской империи, в России была сформирована центральная власть, а оппоненты автократии устранились. Помимо экономического роста, имели место невероятные достижения в области образования и культуры. Развитие аристократической элиты благодаря западному образованию почти превзошло таковое на Западе и не ограничивалось техническим прогрессом, а характеризовалось также высоким уровнем социальных наук и искусств. Основным моментом в связи с темой настоящего исследования является вера русской интеллигенции в эту «*великолепную*» Россию. Пока османские интеллектуалы были озабочены «спасением государства», российские имели возможность заниматься куда более сложными вопросами. Еще один момент — аристократическое происхождение российской интеллигенции. В то время как османские интеллигенты были типичными примерами мелкой буржуазии, российская интеллигенция в большинстве своем имела

аристократическое происхождение. При изучении реформ Петра I и периода Екатерины II, когда эти реформы были регламентированы, обнаруживается важный факт. В России реформы с самого начала внедрялись систематически и решительно, без промедления, в отличие от *нерешительной модернизации* в Османской империи. В результате в России систематическое и обширное противостояние Западу с начала XIX века продолжалось так же жестко, как и сами реформы, чего никогда не было в Османской империи. Антизападные настроения в России порождали вопрос, кем «мы» являемся относительно Европы, и естественным образом определяли содержание этого «мы». Процесс, который можно рассматривать как ранний консерватизм, следует оценивать как интеллектуальную среду, где основное значение имеют первые современные попытки формирования «российской» идентичности.

С другой стороны, западные настроения, наблюдающиеся в тот же период, которые можно определить как ранний либерализм (запавший в душу декабристов 1825 г.), явно относятся к сфере преобладания идей, которые поддерживают процесс вестернизации в России и желание сформировать новую социальную структуру с западными ценностями. На первое место выходит сотрудничество через политическую борьбу концепций «родины» и «патриотизма», возникающую на Западе. В результате анализа становится понятно, что возникает новое представление о сути исследуемых нами проблем — политическое утверждение, касающееся концепции современного понятия «родина». И тут будет правильно отметить, что концепция аналогична концепции османизма, так как западная модель организации и политики формируется на основании концепции «родины» в обеих странах.

Либерализм вступил в противостояние с антизападными настроениями в России. Основные признаки этого конфликта наблюдаются в дискуссиях 1840-х годов. Это противостояние, называемое конфликтом *западников и славянофилов*, раскрывает тот факт, что *западники* сохранили свои либеральные воззрения, но, несмотря на это, ранний консерватизм по-прежнему определял российскую идентичность, и эта идея становилась более системной. Здесь следует отметить, что российская идентичность формируется не как национальная, а как идентичность цивилизации. Это не только системное формирование, но и национальное состояние сознания, которое не принимает концепцию границ и включает имперские составляющие. Еще одна (деструктивная) характеристика данного определения включает своего рода свободу, которая не принимает противостояние авторитарии и увеличивает политическую апатию.

Изменение настроений имело место из-за того, что российская аристократическая интеллигенция утратила веру в Европу. Это разочарование, в частности, отмеченное А. И. Герценом после *Крымской войны*, привело к появлению идеи, что российская идентичность должна быть политизированной. Очевидно, что Герцен — *западник*, объявивший о несостоятельности Запада, в итоге повысил уверенность и самосознание, связанных с российской идентичностью на фоне западного мира. Политизация этой уверенности и са-

мосознания России состоялась благодаря Данилевскому, который вернул идею панславизма на стыке немецкой философии и французской революционности. Данилевский в своей работе *«Россия и Европа»* сформировал концепции цивилизации на достаточно высоком уровне, став первопроходцем для Шпенглера и Тойнби, и разработал концепцию славяно-русской цивилизации, противопоставив ее западной. Хотя такая формулировка в основном подразумевает единство славян, в центре этого союза находится концепция российской идентичности, которая является самой значительной силой в этой цивилизации. Отсюда и утверждение, что Россия, как старший брат или даже отец (а не ровня), должна сформировать данный союз и выступить как новая и могущественная цивилизация мира. Западная аналогия здесь снова выступает основным фактором, и промежуточной концепции в этих дискуссиях нет. И опять же, в соответствии с этой идеей, Россия была империей для большого населения за ее границами и могла демонстрировать это.

Такая политика прекратилась во время внутренних волнений в период царствования Александра III. Хотя триада «Православие, Самодержавие, Народность», сформулированная как официальная идеология в середине века, оставалась неизменной, внутри страны одновременно проводилась политика быстрого обрушения. И все-таки эта триада, как официальная идеология традиционной империи, продолжала удерживать ее на стадии национализма. Хотя политика и идеи в рамках концепции «родины» на данном этапе продолжали проводиться в жизнь, было признано, что Россия отличается от Запада, и это различие возвеличивалось всеми. Другими словами, влияние тех, кто защищал концепцию единой «родины» в западном ключе, было сведено к минимуму. Набирали силу другие идеи, которые в общем подчеркивали российскую идентичность. Несмотря на все эти дискуссии, тенденция преобразования Российской империи в империю «Русь» (территориальную имперско-этническую национальную / российскую-русскую империю) закончилась на ленинском этапе, который предпочел концепцию «родины» на основе пролетарского интернационализма как главной идентичности, поддерживающей единство народов. В рамках этой идеологии, которая признает право на самоопределение народов, понятие «родины» утверждается вместо «народа». Мечта декабристского движения, которое определяется как ранний либерализм начала XIX века, сбылась на век позже — период, когда все элементы объединились идеологией социализма и гражданских связей под эгидой коммунистической партии, начиная с Октябрьской революции.

Как упоминалось выше, процесс идентичности в двух случаях не только связан с коллективным сознанием, но также касается отношений двух стран с Западом и их политических процессов. Также неизбежно отсутствие связи этих двух сфер с социальными вопросами. Общество, гражданство, государственная идентичность, легитимность управления и реформ в политической и экономической сферах составляют сущность модернизации. При этом можно предположить, что эта сущность не была обязательной до вышеуказан-

ной «текущей современности». Два идеальных сценария реформ в правительстве и экономике, но не в политической сфере, можно обнаружить во времена правления Абдульхамида II и Александра III. Оба были консерваторами и в то же время автократами-реформаторами, их политику можно назвать примером консервативного реформизма в конце XIX века. Убежденность обоих в необходимости реформ, исключая политические, привела к политике «необъявленного» мира в отношении друг друга и защиты от Запада; и даже сегодня у них есть консервативные поклонники в России и Турции. Их понимание реформ было аналогично раннему турецкому реформизму XVIII века: реформировать, а не изменять существующую политическую и социальную ситуацию в империях. Момент общего и частного реформизма империй закончился частным в конце столетия. В следующем веке, в то время как Турецкая Республика после Первой мировой войны снова выбрала путь тотальных реформ, Советский Союз продолжал реализовывать реформы в рамках собственного суверенитета и заниматься детализацией своей модернизации.

Еще один аспект, который необходимо упомянуть, — демократический выбор обоих государств. Османская империя выбрала путь представительских реформ в третьем десятилетии XIX века, Россия — более авторитарную модель с момента провального восстания декабристов. После Крымской войны определились два противоположных направления для двух сценариев. Многие историки утверждали, что основная причина Русско-турецкой войны 1877–1878 годов была в большей степени связана с османской конституцией и парламентом 1876 года, чем с панславизмом или независимостью Болгарии. Опять же после Первой мировой войны эти противоположные направления определили пути двух сценариев модернизации в отношении современных демократических ценностей. Еще один аспект — экономические тенденции и успех или провал каждой из них, которые следовало бы упомянуть. Но я не буду развивать эту тему, а вместо этого напомним общие характеристики нынешней Турции и России в том, что касается экономических возможностей и уровней развития обеих стран с учетом их возможностей интегрироваться в мировую экономику.

Если проследить эти основные исторические направления, можно, наконец, задать вопросы по поводу проявлений кризиса современности. Во-первых, разница в пути развития разных стран на Западе и два разных сценария модернизации говорят о преимуществах или недостатках нынешнего политического развития.

Например, если говорить об идентичности и вопросах цивилизации, можно вспомнить Бакунина, который утверждал, что будущее мира зависит от незападной части мира, то есть будет формироваться на российских и османских землях, так как оба сценария не были «ухудшены» западной цивилизацией. Или триста лет модернизации заключались только в том, чтобы следовать за Западом и приспосабливаться к нему, а когда на Западе появится новый статус-кво, модернизация в своем исходном значении продолжится? Суверенитет государства, который остался неизменным благодаря инстинкту защиты в процессе модернизации, —

это преимущество или, если отношения между государством и народом ослабляются, это недостаток — при отсутствии инфраструктуры и предпосылок для наднациональных гибридных политических организаций? Неустановленные и трансграничные идентичности между цивилизациями или смешение понятий родины и нации — являются ли они преимуществами или уже устарели, а значит, новая идентичность после них не будет формироваться? Несформированные демократические институты и культура являются достоинствами для нового авторитаризма, который станет реальностью завтрашнего дня, или это опять состояние недоразвития, в то время как новая реальность будет куда более современной демократией со своими сложными характеристиками? Или же состояние несформированной демократии означает возможность адаптации к более совершенной модели? Гражданственность, которая не смогла выйти на современный уровень, является преимуществом для трансформации в систему сообществ, или недоразвитый вариант гражданственности приведет к тому, что результатом этих двух сценариев будут федерации гетто? Если с политической точки зрения гражданин утрачивает свое место в неполитическом субъекте, цель которого заключается только в потреблении, является ли это преимуществом в управлении сценариями модернизации или приведет к полной атомизации? Если потребление будет единственной целью, будет ли все сведено к товарам и услугам? Могут ли слабые политические и социальные сообщества обеспечить население потребительскими товарами? Как экономический успех связан с политической надежностью? Экономическое развитие идет альтернативными путями на Западе — совместимы ли они? Возможен ли экономический успех при политической конфронтации с Западом, без универсального закона и эффективной политической системы? Будет ли высокий уровень потребления гарантией политической стабильности или все запросы народа будут ограничены мечтами о потреблении? Если не мечты, а ложное восприятие кошмаров будет определять социальные требования, как можно будет управлять новым периодом иллюзий?

Любой может добавить сюда свои вопросы. Однако основная проблема заключается в том, что на фоне разных исторических предпосылок кризис модернизации будет сказываться на ее сценариях, причем, возможно, наиболее неблагоприятным образом. Я полагаю, что баланс этих сценариев находится между идеями прогресса и консерватизма, универсальности и частности реформ, гибкости и конфронтации с Западом, нового надежного патриотизма с эффективным государством или классическим патриотизмом с сильным государством, демократизацией и авторитаризмом, более сложным представительством или экстернализацией новых идентичностей, успеха или провала экономических свершений, интеграцией или изоляцией и т. д.

В конце я бы хотел повторить, что этот доклад состоит скорее из вопросов, а не ответов. Думаю, все эти вопросы необходимо исследовать и дополнительно обсудить. Все ли твердые вещества тают в воздухе или текучесть того, что еще не затвердело, не позволит ему раствориться?